

цепи конечности и обреченности,¹ вступить на путь очищения огнем мысли.

Можно принять без сомнения, что если бы немецкий язык имел в своем составе термин, соответствующий русскому слову „пошлость“, то Гегель обозначил бы этот путь как путь „катарсиса духа от пошлости“. В этом восхождении от эмпирического бессмыслия к спекулятивной мысли, от мнения — к знанию, от единичного — ко всеобщему, от дискретного — к конкретности, от души — к Духу, от животного состояния² — к божественному конкретное-эмпирическое свершает свою судьбу: оно преодолевается во имя высшего и исчезает совершенно,³ возвращаясь, по слову Анаксимандра и Гегеля, в свою основу и сущность, единую и непреходящую.

Однако путь этот не легок и не прост. Сознанию предстоят горы сосредоточенного, страдальческого, терпеливого труда над понятием и в понятии;⁴ ему предстоит воспринять последние сомнения, усомниться во всем своем содержании, пережить истинную вакханалию сомнения.⁵ И только из такого философского землетрясения может произойти возрождение и обновление сознания. . . И первое, что предстоит ему, — это пройти через формально-логическое чистилище.

Глава вторая

АБСТРАКТНОЕ-ФОРМАЛЬНОЕ

Конкретное-эмпирическое по своим основным свойствам не может быть предметом познания вообще и предметом философского познания в особенности. Ему предстоит глубокое, все отвергающее и обновляющее перерождение. Его хаотичность должна встретиться с началом строгой меры и косного порядка; его неудержимая процессуальность должна или отпасть, или угаснуть с водворением новой формы; его непосредственность увидит раскол и осложнение; чувственности его предстоит отмереть; единичности — претвориться во всеобщность. Однако самой философии невозможно взяться за это дело: философия есть система совершенного знания, замкнутый круг полноценных идей; она не имеет дела с несовершенным материалом и не подготавливает его; она не знает полуистин и не включает в себя незрелое.

¹ Ср.: Glaub. 108—109.

² Ср.: Enc. I. 107.

³ Log. II. 72.

⁴ „der Ernst, der Schmerz, die Geduld und Arbeit des Negativen“: Phän. 15.

⁵ Ср.: Phän. 37.

Поэтому между философией и чувственным созерцанием эмпирических вещей оказывается некоторая промежуточная сфера, очищающая и подготовляющая сознание и его предмет; эта сфера составляется из эмпирических наук, эмпирической философии и обычной, так называемой „формальной“ логики, объединенных одинаковым методологическим приемом построения и понимания своего предмета. Прием этот, или способ обращения с познаваемым содержанием, и есть „формальная абстракция“.

Вся эта группа низших наук, или полунаук, отнюдь не знает или не признает своего промежуточного или опосредствующего положения. Эмпирические исследователи и формально-логические мыслители считают свою задачу единственно научной, свои методологические приемы — окончательно верными, свой *предел* — достигнутою вершиною. Но это совсем не значит, думает Гегель, что таково *объективное* значение их построений и их приемов. Наоборот: их самооценка есть не более как посягательство; их притязание есть претензия; их дело измеряется масштабом пригодности, но не истинности. Философское знание начинается именно там, где они кончают; свет загорается именно там, где они слепнут; истина открывается именно там, куда они загородили себе доступ своими предрассудками.

Значение этих низших наук, сущность их познавательного подхода к предмету и философскую неприемлемость всего умонаправления Гегель формулирует с удивительною зрелостью и глубиною. Все это объединяется и сосредоточивается вокруг учения об абстрактном-рассудочном или формальном.

Самым глубоким, коренным пороком конкретного-эмпирического была его неспособность стать предметом мысли, мыслимым объектом, и, следовательно, предметом философского познания. Что же, в самом деле, остается делать мысли и знанию с тем, что не мыслится и не знается? Таково это, с виду гносеологическое, затруднение. Отсюда первая задача абстрактной среды — внести *мыслимость* в низшую сферу эмпирии.

Абстрактное-формальное есть прежде всего мысль:¹ *субъективно* — процесс мышления; *предметно* — мыслимое «нечто». Можно было бы сказать, что здесь меняется самый орган духа, служащий для обхождения с предметом; и подобно тому, как слух живет звуком и не слышит цвета, так мысль не созерцает чувственно данность внешнего мира, но делает свое особое специфическое дело.

Мысль есть вообще нечто абстрактное.² Нужно, чтобы у того, кто начинает мыслить, „померкли сначала зрение и слух“; чтобы

¹ Ср.: Lass. 496. Glaub. 68. W. Beh. 334. Phän. 26. 606. Niet. 345. 346. Log. III. 175 и мн. др. ² Niet. 346.

он был „отвлечен от конкретного представления и вовлечен во внутренний мрак душевной ночи“; и чтобы он „в этой среде научился видеть, удерживать определения и различать“.¹ Абстрактное мышление есть уже *внутренний* процесс, движение души в самой себе и притом именно *интеллектуальный* процесс, направленный на нечто интеллектуальное, мыслимое,² если угодно, на нечто «идеальное».³

В этом состоянии душа отказывается от непосредственного слияния с непрерывным потоком эмпирических явлений, от созерцательного растворения в сложности и слитности конкретно-эмпирического. Обнаруживается своеобразное тяготение сознания к своему центру; оно отъединяется, собирает свои силы и противопоставляет себя чувственному непосредственному бытию.⁴ Теперь оно уже не „в нем“, а „вне его“; оно не живет „им“, а вопрошает „о нем“. Оно хочет отчета и определенности; оно ищет простоты и устойчивости. Сознание видит „себя“, свое „я“, и противостоящий, *данный* ему предмет. Эта „данность“ есть не что иное, как конкретное-эмпирическое.⁵ Оно есть первое, начальная основа, историческое начало всего дальнейшего знания.⁶ Но в этой данности все сплошно и перепутано. Охватить ее целиком нет возможности — ни в глубину, ни в ширину; она сама до крайности изменчива и непостоянна. И вот, сознание вступает на путь *отрыва и задерживающей фиксации*. Таково рождение абстрактной мысли.

В этом и состоит основной смысл „абстрактного“ („abstraho“ — „отвлекаю“): сознание разрывает живое, непосредственное целое на части, куски, стороны, элементы или определения, и оперирует как с объектом с этими, уже вполне новыми, предметными образованиями. Установив в материале какое-нибудь различие,⁷ сознание останавливается на нем, и это есть первый акт его — анализ.⁸ В результате анализа получается (классический случай) некоторая двойца,⁹ два отдельных и взаимно различных элемента, роль и участь которых также различна.

Для того чтобы получить нечто, поддающееся мышлению, сознание должно силою (*gewaltsam*) удержать¹⁰ одну из различных сторон, сосредоточивая на ней свое внимание: только при этом условии получится необходимая *определенность* в мышлении. Другая же часть подвергается своеобразному „завеванию“;¹¹ душа делает усилие, чтобы „затемнить и удалить“¹²

¹ Ср.: Niet. 345. ² Ср.: Glaub. 36. ³ Ср., напр.: W. Beh. 336. 416. Enc. II. 222: „nur ideelle Idealität“. ⁴ Ср., напр.: Phän. 142. ⁵ Ср.: Phän. 185. Log. III. 20. 21. 308. Enc. III. 294—295. Enc. I. 403. ⁶ Ibidem. ⁷ Ср. особенно: Glaub. 65. Phän. 434. Niet. 345, а также: W. Beh. 357. Phän. 132. 329. Recht. 256. ⁸ Ср.: Glaub. 92. Phän. 329. Log. II. 31. и др. ⁹ Phän. 127. ¹⁰ Ср.: Enc. I. 178. ¹¹ „Vergessen“: Diff. 256. ¹² „verdunkeln und entfernen“: Enc. I. 178.

то, от чего отвлекается мыслимое; сознание не смотрит на него,¹ вычеркивает,² опускает,³ отрицает,⁴ негирует,⁵ „отмысливает“,⁶ ибо считает, что может обойтись без него.⁷ Все это, конечно, с тем, чтобы при первой же надобности „возобновить“ вычеркнутое и найти в нем материал для новых абстракций.⁸ Но в момент отвлечения сознание смотрит только на одну сторону⁹ и именно ее-то как отвлеченную, абстрагированную, абстрактную и удерживает.¹⁰

В противоположность опускаемой стороне, удерживаемая часть извлекается,¹¹ изолируется от связи с другими элементами¹² и полагается¹³ в качестве содержания абстракции.¹⁴ В результате этого абстрактное оказывается всегда оторванным, отделенным, изолированным и противопоставленным.¹⁵ Сознание ценою неполноты, лишения¹⁶ и ограничения покупает определенность и мыслимость. Однако нет сомнения, что именно в этом обмене оно вместе с полнотою предмета теряет и самую конкретную-эмпирическую данность. Такого изолированного от всех связей и взаимодействий содержания, которое препарировано абстрактною мыслью, нигде в пространстве и во времени не существует.¹⁷ „Абстракция“ отдельной „стороны“ как таковая не имеет существования;¹⁸ она „реальна“, „действительна“ только в общей связи своей с тем множеством эмпирических обстоятельств и свойств,¹⁹ от которых она была отвлечена напряжением сознания. Уже в самом первом приступе к мысли и знанию конкретное-эмпирическое разлагается на абстрактные элементы и гибнет; наука его не познаёт и познать не может.²⁰

Поэтому „абстрагирующее мышление не следует рассматривать как простое отодвигание в сторону чувственного материала, который от этого“ (будто бы) „не терпит ущерба в своей реальности“.²¹ Нет. „Под воздействием вторгающейся мысли беднеет богатство бесконечно многообразной природы; замирает ее весна, угасают ее цветные игры. Все, что шумело в ней жизнью, немеет и смолкает в тишине мысли; напоенная теплотою полнота природы, слагающаяся в тысячу разнообразно

¹ „Wegsehen“: Phän. 163. ² „abstreifen“: Niet. 345—346. ³ „weglassen“: Log. III. 19. 38. 38. Prop. 92. Enc. II. 385. ⁴ „läugnen“: Diff. 215. ⁵ „negiren“, ср.: Glaub. 65. 123. 125—126. 137. W. Beh. 370. Log. III. 38. и др. ⁶ „hinwegdenken“, ср., напр.: W. Beh. 334. ⁷ W. Beh. 408. ⁸ Ср.: Glaub. 126. Log. II. 31. ⁹ Diff. 214. Abs. 405. 405. ¹⁰ Ср., напр.: Enc. I. 178. ¹¹ „herausziehen“, „herausheben“, „herausnehmen“: Glaub. 131. Phän. 185. Log. III. 21. Enc. I. 230. Recht. 161. ¹² Ср.: Log. I. 68, а также: Diff. 209. Glaub. 87. Log. I. 45. 124. Log. III. 32. 40. Recht 27. 161. ¹³ Ср., напр.: W. Beh. 413 ¹⁴ Log. III. 38. ¹⁵ Ср., напр.: Diff. 209. 213. Glaub. 19. 35. 131. W. Beh. 413. Log. I. 24. Log. III. 65. ¹⁶ Glaub. 17. 122. ¹⁷ Ср.: Phän. 25 ¹⁸ Phän. 217. ¹⁹ Ср.: Phän. 26. 287. Log. I. 93 228. ²⁰ Ср.: Log. III. 298—300. Skept. 76. ²¹ Log. III. 20.

притягательных чудес, превращается в сухие формы и безобразные всеобщности, подобные тусклому северному туману“.¹ Мысль деформирует и дереализирует конкретное-эмпирическое; она ликвидирует не только поэтическую слитную сложность его, но и его видимое безразличие к существенному и несущественному. Мысль ищет *сущность* и видит ее в том, что *устойчиво*. К этой-то устойчивой сущности она и стремится свести (Reduktion) многообразную эмпирическую данность² путем опущения одной ее части и сведения в единство другой.³ Сходное, отвлеченное от несходного, при сравнении совпадает и мыслится как единство.⁴ Получается множество абстрактных понятий, имеющих, по закону формальной логики, содержание и объем и стоящих друг к другу в отношении рода, вида, подчинения и соподчинения. Содержание этих абстрактных понятий рассудочное мышление принимает за искомую аристократическую сущность эмпирических явлений,⁵ а самим явлениям предоставляет толпиться в нижнем этаже объема.

Основное свойство этих „понятий“ в том, что они *всеобщи*. „Мыслить эмпирический мир, значит... существенно изменять его эмпирическую форму и превращать его в нечто всеобщее“;⁶ всеобщность же эта, далекая от того, что Гегель называет истинной, спекулятивной всеобщностью, состоит лишь в том, что выделенное мыслью свойство присуще (или „обще“) многим (или всем) вещам эмпирического мира и может быть поэтому придано им в качестве предиката.⁷ Однако этот родовой признак, присутствуя во многих (или во всех) элементах объема, в то же время мыслится *отдельно* от подчиненной сферы; он свободен от нее;⁸ он сам по себе;⁹ он образует самостоятельное¹⁰ мыслимое нечто, абстрактное единство,¹¹ нечто абсолютное¹² (от *absolvo*, т. е. отвязанное, отрешенное). Абстрактное-формальное отнюдь не сливается с множественным-единичным и не тождественно ему.¹³ Оно привносится к нему извне, как „инобытие“ к „инобытию“.¹⁴ Оно применяется к нему, относится к нему, налагается на него,¹⁵ субсуммирует его под

¹ Enc. II. 12—13. (Z.). ² Log. III. 20. ³ Гегель ставит здесь вместо „и“ небрежное „или“; см.: Enc. I. 230. Niet. 345—346. ⁴ Ср.: Enc. III. 230. 330. ⁵ Ср., напр.: Log. III. 292. Enc. III. 356. ⁶ Enc. I. 108. ⁷ Ср.: Log. III. 96. Phän. 307. 308, а также: Log. III. 64. Enc. I. 79. ⁸ Ср., напр.: Phän. 307. 308. 313 и др. ⁹ Ср.: Glaub. 71. Phän. 253. ¹⁰ Ср.: Log. I. 192. Log. III. 200. Recht. 352. ¹¹ Diff. 193. 287. Glaub. 44. W. Beh. 378. Log. I. 90. Enc. I. 386. ¹² Ср.: Glaub. 36. Log. I. 63. 276. Enc. I. 230; ср.: Glaub. 128. 129. Beweise. 402. ¹³ Ср.: Glaub. 11. 39. 64—65. 92. 135—136. W. Beh. 345. 346. 357. Phän. 26. 97. 153. 163. Log. III. 60. 60—61. Enc. III. 257. Bha. 414. и др. ¹⁴ Ср.: Phän. 96—97. Log. III. 21. 61. Enc. I. 14. ¹⁵ Ср.: Phän. 362. Recht. 46. W. Beh. 357. Log. III. 310.

себя¹ и, в лучшем случае, погружается, нисходит в него,² чтобы убедиться в том, что оно ему несоизмеримо;³ оно не может ни исчерпать его, ни выразить.

Оторванное таким образом от конкретного, единичного и предоставленное себе и своей специфической природе, абстрактное рассудочное мышление разворачивает свой особый строй, свой порядок и свои особенности. Оно стремится к тому, чтобы утвердить независимость своих понятий от объема, от единичного, от случайного эмпирического материала. Мало того, что оно „вычеркивает несходные, выдающиеся кусочки данности“,⁴ оно влечется всегда кверху: сбросить еще что-нибудь из балласта своего содержания, отвлечься еще от какого-либо определения, подняться еще на одну ступень абстракции. Сущность рассудочной абстракции в том, что она тяготеет всегда к возможно большему объему и возможно меньшему содержанию; ибо, если эмпирически данный материал решает вопрос об устойчивости, а устойчивость (дурная всеобщность)⁵ определяется как индуктивная всюду-найденность, всем-подтвержденность; и если именно такая всеобщность и устойчивость есть критерий *сущности и существенности* (как в этом убеждена рассудочная наука), то понятно, что основную *сущность* всех вещей рассудочная мысль будет искать в том, что *всего абстрактнее*, — в самом абстрактном, самом бессодержательном,⁶ но зато и самом „устойчивом“ и „существенном“. Это и есть то „нечто“, „Etwas“, на которое указывает Кант,⁷ говоря о высшей абстракции, и которому молится индийский йога, взывая к Бrame.⁸ Это есть «формальная индифференция».⁹

Имея в виду такое тяготение рассудочной мысли, Гегель и характеризует создаваемую ею абстракцию как нечто оторванное от содержания, и потому неопределенное¹⁰ и формальное.¹¹ Добытое разложением, *анализом*, это есть своеобразное аналитическое единство,¹² знающее степени большей и меньшей абстрактности,¹³ но не знающее предела в отвлечении своем от

¹ Ср., напр.: Log. III. 73. Enc. III. 412. Abs. 404. ² Phän. 6. ³ Ср.: Glaub. 151. Skept. 76. W. Beh. 337. 375. 377. Phän. 240. ⁴ Niet. 345—346. ⁵ Ср.: Phän. 190. Log. III. 96—98. 149—150. 292—293. 330. ⁶ Ср.: Glaub. 11. W. Beh. 340. Log. I. 165. Enc. III. 251. ⁷ Kant. Logik. Ausg. Kirchmann. 1869. S. 103. ⁸ Ср.: Bha. 392. 412. 413—426. ⁹ W. Beh. 377; см. также другие ранние статьи Гегеля. ¹⁰ „unbestimmt“, „bestimmungslos“, „inhaltslos“; ср.: Glaub. 34. 120. W. Beh. 350. 351. Phän. 217. 295—296. 563. Log. I. 270. Log. II. 4. Log. III. 60—61. 92. 120. 140. 200. 282. Enc. I. XXX. 73. 330. Enc. III. 208. 306. 460. Recht. 177. 178. 193. 207. Bha. 418. 419 и др. ¹¹ Ср.: Glaub. 157. W. Beh. 409. 416. 422. Niet. 346. Log. III. 25. 32. 140. 143. Enc. I. 20. 157. 386. Enc. III. 251. Recht. 75. 150. ¹² Ср.: Glaub. 92. Phän. 329. Log. I. 339. Log. II. 31. Log. III. 281. 281. ¹³ Ср.: Diss. 19. Krit. 44. Skept. 73. 109. 115. Glaub. 8. 11. 17. 38. W. Beh. 343. 360. Phän. 73. 451. Enc. III. 406.

содержания,¹ в бегстве от него, как от стесняющего и ограничивающего.² Разве только одна смерть была бы высшим, последним отвлечением и отрешением.³ В то же время, как бы ни было отвлеченно понятие, *какое-нибудь* содержание оно все же имеет.⁴ И в этом-то, хотя бы и убогом, содержании своем оно по основному закону формальной логики тождественно само себе, „равно само себе“;⁵ оно есть абстрактное и формальное тождество,⁶ само себе внутренне не противоречащее;⁷ неизменное и потому *ad libitum* повторяемое.⁸ Это мыслимое тождество не имеет в себе различий и многообразия;⁹ оно отвлечено от многообразия и *просто*.¹⁰ И как таковое оно нереально, не имеет действительности и существования,¹¹ но, как уже сказано, приобщается реальности только через единичные эмпирические вещи;¹² абстрактное-формальное есть „*nur überhaupt seiend*“.¹³

Вот из этих-то абстрактных, формальных понятий, нереальных, тождественных, мыслимых единиц и слагается корпус *эмпирической науки*, интересующейся ими в их *содержании*, и *формальной логики*, исследующей их *форму*. Построить понятия, отвлеченные от эмпирической данности, в классифицирующую систему по схеме *genus proximum et differentia specifica*¹⁴ так, чтобы содержание их охватило и исчерпало эту данность, — такова регулятивная (хотя „бесконечная“ и потому неосуществимая) идея эмпирической науки. Установить всеобщие и неизменные, а потому „абсолютные“ законы, владеющие элементами этой абстрактной системы — понятиями, их сущностью и взаимными отношениями — такова задача формальной логики, осознанная и (по традиционному воззрению) чуть ли не раз навсегда разрешенная еще Аристотелем. Если учесть еще „всеобщие“ и „необходимые“ „законы природы“, о которых Гегель не любит говорить с почтением и признанием, то не стоит ли здесь мысль, в самом деле, предпоследними, доступными человеку, вершинами знания? При надлежаще широком понимании „эмпирической данности“ может возникнуть вопрос: в чем же еще может заключаться идеал научного знания? Не все ли этим сказано?

По убеждению Гегеля, лежащему в самом основании всех остальных его убеждений и всей его философской доктрины,

¹ W. Beh. 370. Aphor. I. 542. ² Recht. 38. 42. ³ Ср.: W. Beh. 392. Aphor. I. 543. ⁴ Recht. 41. ⁵ Phän. 86. 96. 185. ⁶ Ср., напр.: Diff. 225. Glaub. 118. 131. Log. II. 69. Log. III. 281. 306. 313. Enc. I. 230. Enc. II. 138 и др. ⁷ Ср.: Enc. I. 228. ⁸ Ср.: Diff. 193. Phän. 162. ⁹ Ср.: Log. III. 281. 306. Enc. I. 230. Enc. III. 264. ¹⁰ Phän. 86. 86. 246. 446. Gymn. 144. Niet. 346. Log. I. 246. 249. Log. III. 298. ¹¹ Ср.: W. Beh. 367. 367. 397. 409. Phän. 25. 26. 36. 108. ¹² Ср.: W. Beh. 372. Log. I. 93. ¹³ Phän. 26. ¹⁴ Log. III. 308.

истинная наука и истинная философия здесь еще не начинались. Ни о предмете их, ни о задаче, ни о методе, ни об идеале познания здесь не сказано еще ни слова. Мало того, тот, кто отказывается представить себе иной предмет и иной метод научного познания, тот вообще к истинной научной философии не причастен; он чужд ей настолько, насколько слепец чужд зрительным восприятиям, или, выражаясь в терминах Критики Чистого Разума, насколько дискурсивный рассудок чужд способностям интуитивного рассудка. Между чувственным созерцанием, абстрактно-эмпирической обработкой его данности и абстрактно-формальным трактованием добытых понятий, с одной стороны, и спекулятивной философией Гегеля — с другой, лежит глубокое, существенное, качественное различие: это разные способы познавательной жизни, различные душевно-духовные устремления, в корне отличающиеся друг от друга подходы к вещам и к знанию. Наука и философия Гегеля говорят не о том и не так, о чем и как говорит эмпирическая и формальная наука, а также выращенная ими философия.

Все это не значит, однако, чтобы Гегель отрицал за обычной наукой и логикой *всякое* значение; это должно быть уже понятно из предшествующего. Но значение их в высшей степени ограничено, а дефекты их научного метода настолько серьезны, что создают в философствовании великие отклонения и опасности.

Конкретное-эмпирическое противостоит философии как среда тупого безмыслия, как чуждый мысленной культуры хаос случайных обстоятельств. Абстрактное-формальное вносит в эту сферу первую и элементарную культуру мысли. Эмпирические науки, вработывая в чувственный материал „всеобщие определения, родовые понятия и законы“, готовят его для философии.¹ Они очищают его постепенно от данности и непосредственности,² поднимают его к абстрактной всеобщности³ и этим освобождают от грубого и варварского состояния.⁴ В этом разложении на элементы и в выращивании мыслительной всеобщности лежит „абсолютная ценность“ образования.⁵ Такое приобщение чувственного материала абстрактному, с одной стороны, ведет к его упрощению, к претворению его во что-то удобопонятное, понимаемое,⁶ мыслимое, с другой стороны, оно является подготовительным приближением содержания к спекулятивному, к Духу, своеобразным одухотворением его,⁷ огненным крещением.⁸ Сосредоточенная энергия понятия⁹ выковывает в

¹ Enc. I. 20. ² Enc. I. 20. ³ Cp.: Glaub. 103. Log. I. 87. Log. III. 61. ⁴ Recht. 55. ⁵ Cp.: Recht. 55. 257 ⁶ Niet. 346. Log. III. 298. Enc. II. 39. (Z.); cp. также: Enc. III. 406. ⁷ Cp.: Enc. III. 294—295. 316 (Z.). ⁸ „befeuern“: Enc. II. 166. (Z.). ⁹ „der Ernst des Begriffs“: Phän. 6.

этом деле основное философское орудие: абстрактное мышление, т. е. искусство удерживать чистые мысли и, двигаясь в них,¹ измерять всю глубину их различия.² Упражняясь в этом деле, душа человека отрывается от чувственной конкретности и научается жить в понятии и познавать через понятие;³ она отучается от „бессмысленного представления“⁴ и привыкает к созерцанию „чистых пространств прозрачной мысли“.⁵ На протяжении этого педагогического и пропедевтического искусства в ней действует и ею владеет „изумительнейшая и величайшая, или даже абсолютная сила“ — рассудок или негативная энергия мысли.⁶ Разорвать слитную сопринадлежность материала, негативно отбросить большую часть его, убить его жизнь, создать неживое, но уже мертвое абстрактное „нечто“, удержать это мертвое и превратить его во что-то самостоятельное, независимое⁷ и тождественно-устойчивое, — для этого нужна поистине колоссальная творческая сила; и дела ее говорят за себя сами.

Выполнить этот катарсис, окрестить и очистить душу огнем абстрактной мысли было задачей древнего мира:⁸ Греции — в сфере философии и Рима — в области права. Но уже величайший из греческих философов Аристотель видел более высокую задачу и знал лучшее, истинное, спекулятивное философствование.⁹ Идея нового времени и состоит в том, чтобы покончить с расщепленной и прочной абстрактной мыслью, оживить эту долину смерти и покоя, привести ее в подвижность и течение,¹⁰ и раскрыть сущность истинной спекулятивной абстрактности и истинной спекулятивной конкретности. В этом — высшая задача новой философии, и разрешение ее берет на себя сам Гегель. Для этого он и разоблачает прежде всего основные пороки формальной абстракции.

Истинная философия конкретна и по предмету своему, и по методу. Это означает, что элементы ее предмета не остаются разрозненным множеством, но вступают в некоторую особливую живую синтетическую связь, объединяющую их в новое, своеобразное живое единство. Эта конкретная связь не есть только познавательный синтез, мысленно-идеальный, человеческим субъективным мышлением строяемый, но подлинный, живой синтез *самых* элементов *самого* предмета. Конечно, эмпирически мыслящему уму неясно еще, что это за синтез и как он возможен; однако уже очевидно, что к такому синтезу

¹ Enc. I. 7. ² Cp.: Log. III. 49. ³ Cp.: Log. I. 45. ⁴ Phän. 115. ⁵ Log. III. 323. ⁶ Cp.: Phän. 25. 26. 26. Log. III. 49. Cp. также: Aphor. I. 546. ⁷ Ibidem. Cp. также: Beweise. 338. ⁸ Phän. 27. ⁹ Enc. I. XXVIII. Gesch. Ph. II. 299. ¹⁰ Cp.: Phän. 27. Cp. также: Briefe. I. 172. 329.

формально-абстрактные понятия могут оказаться и неприспособленными.

По Гегелю, они неспособны к нему совершенно.

Каждое абстрактное понятие само по себе тождественно и неизменно.¹ Оно или „А“, или „не-А“. Оно одноформно,² однотонно,³ одноцветно.⁴ Содержание его не может измениться, ибо иное содержание есть содержание иного понятия. Поэтому абстрактное-формальное прочно,⁵ фиксировано,⁶ неподвижно⁷ и недвижимо.⁸ Оно как бы засохло⁹ и заостенело¹⁰ в своем внутреннем естестве. Лишенное всякой гибкости,¹¹ холодное¹² и бесцветное,¹³ оно безжизненно¹⁴ и мертво¹⁵ вечной и безнадежной мертвостью никогда не жившего существа. Это есть своего рода *saput mortuum* абстракции.¹⁶ Между этими понятиями есть даже известная связь — связь родового и видового характера; но эта связь так же прочна,¹⁷ мертва и неподвижна, как и внутренняя природа самих понятий. Она оставляет все связуемые элементы в неизменном виде и в разрозненном состоянии *подчиненности*, но не *сочиненности*; она есть связь чисто негативная, ибо родовое понятие добывается простой „негацией“ видового признака.¹⁸ она, *может быть*, даже совсем не связь, а только „присутствие“ родовых элементов во всех видовых образованиях...

Во всяком случае, в этом мертвом строе классификации все абстрактные образования остаются отъединенными и замкнутыми.¹⁹ Раз обаянные своим происхождением разрыву и разлучению, предпринятому сознанием над материалом, рассудочные понятия всегда сохраняют на себе печать оторванности и распада.²⁰ Каждое каждому есть *sui generis* „инобытие“, нечто „другое“, внешнее, стоящее к нему, следовательно, во внешнем

¹ „unwandelbar“: Phän. 162. ² „gleichförmig“: Enc. II. 87. 87. Anm. ³ „eintönig“: Phän. 13. 394. ⁴ „einfärbig“: Phän. 13. ⁵ „fest“: W. Beh. 374. Phän. 27. 27. 240. 252. 253. 257. 258. Log. I. 39. 183. Log. III. 32. 67. 120. Enc. I. 147. ⁶ „fix“, „fixirt“: Glaub. 36. W. Beh. 329. 340. 342. 367. 409. Jac. 14. ⁷ „unbewegt“: Phän. 13. Log. I. 50. ⁸ „unverrück“: Log. I. 39. ⁹ „trocken“: Phän. 252. 253. Log. I. 45. Würt. 240. ¹⁰ „knöchern“: Phän. 252. 253. ¹¹ „unbiegsam“: Phän. 446. ¹² „kalt“: Phän. 446. ¹³ „farblos“: Log. III. 60 61. ¹⁴ „unlebendig“, „Leblosigkeit“: Phän. 36. 590. Log. III. 60—61. Enc. I. XXXIII. ¹⁵ „todt“: Nohl. 7. Phän. 26. 522. Log. I. 50. Log. II. 4. ¹⁶ Enc. I. 224. ¹⁷ Cp.: Phän. 274, а также: Niet. 345. Enc. I. 147. ¹⁸ Cp, все те места, где Гегель настаивает на негативной сущности абстрактного-формального, называя последнее „положительно выраженной негацией“: W. Beh. 341; особ.: Glaub. 65. 123. 126. 137. W. Beh. 370. 397. Phän. 578. 600. Log. I. 101. Log. II. 4. 84. Enc. I. 223. Enc. III. 348—349. ¹⁹ „verschlossen“: Log. III. 200. ²⁰ „getheilt“, „zerrissen“, „geschleden“, „getrennt“, „abgeschnitten“, „dirimirt“, „aufgelöst“, „zerlegt“ etc.; cp.: Diff. 252. W. Beh. 413. Phän. 25. 252. 288. 377. 446. Log. I. 86. Log. III. 122. 205. Enc. II. 501. Enc. III. 354. Recht. 226. Ph. G. 50 и др.

отношении.¹ Абстрактное неизменно обременено этим отдельным от него,² не сливающимся с ним и не растворяющимся в нем „другим абстрактным“, — будь то оторванное от него всеобщее-мыслимое или противостоящее ему единичное-чувственное.³ Именно поэтому оно, согласно глубокомысленному определению абсолютного, данному Спинозой,⁴ отнюдь не есть нечто безусловное или абсолютное;⁵ напротив, оно обусловлено этим отрывом,⁶ оно есть нечто относительное,⁷ ограниченное,⁸ недостаточное.⁹ Оно составляет только одну сторону, вырванную из действительной полноты предмета, и потому оно односторонне.¹⁰ Напрасно рассудочное знание хвалится тем, что оно доходит до познания бесконечного; „бесконечность“ его есть бесконечность уходящего вдаль регресса, неосуществимого задания, недостижимой полноты; это то бесконечное, которым Фихте закончил свое первое „Наукоучение“ — дурная, мнимая, вечно блуждающая бесконечность бескрылого рассудка. Абстрактное формальное само по себе конечно,¹¹ и не ему посягать на подлинное достояние спекулятивной философии.

Теперь должно быть понятно, в каком смысле Гегель настаивает на *единичности* формальной абстракции: выделяя и вознося изо всей сложной данности только одну, единичную сторону предмета, понятие остается прикованным к ней, и эта прикованность определяет навсегда его содержание; оно бессильно исправить в этом что-либо; выдавая выделенную единичность за что-то всеобщее, оторванное от других содержаний и других понятий, оно является само лишь *единичным понятием, прилепившимся к единичному содержанию*. Поэтому через единичное рассудочное понятие может быть познано только единичное свойство чувственного мира, рассудочно обобщенное, но не приобретенное истинной спекулятивной всеобщности.¹²

Таким образом, оторванные одна от другой, равнодушно¹³ сопоставленные, формальные абстракции отчужденно¹⁴ и чопор-

¹ Ср.: Diff. 243. W. Beh. 368. 371. Log. I. 39. 90. 101. 127. 246. 249. Log. II. 4. 4. Log. III. 32. 46. 380. Enc. III. 400. ² Ср.: Log. I. 129. ³ Ср., напр., Glaub. 11. W. Beh. 345. ⁴ См.: Spinoza. Ethica. Pars prima. Definit. II: „Ea res dicitur in suo genere finita, quae alla ejusdem naturae terminari potest“. И далее: „Si cogitatio alla cogitatione terminatur“. Opera Ed. Paulus. 1802. Vol. I. P. 35. ⁵ Ср.: W. Beh. 353. 367. Phän. 13. ⁶ „bedingt“, ср.: Diff. 193. 210. Glaub. 120. Enc. III. 44. ⁷ „relativ“: W. Beh. 378. Enc. III. 44. ⁸ „beschränkt“: Diff. 233. W. Beh. 340. 367. Enc. I. 147. Recht. 150. 207. 352. ⁹ „mangelhaft“: Recht. 41. Bha. 415. ¹⁰ „einseltig“: Diff. 191. Phän. 101. 590. Log. I. 65. 90. 101. 148. Log. II. 33. Log. III. 129. 175. 334. Enc. I. XV. XXI. 175. 354—355. Enc. III. 362. Recht. 41. ¹¹ „endlich“: Glaub. 22. 156. Enc. I. XV. Recht. 41. 207. ¹² Ср.: Phän. 185. Log. III. 61. 74. Recht. 161. 256. ¹³ „gleichgültig“: Phän. 77. 86. 86. 253. Log. I. 86. 87. 90. ¹⁴ „Entfremdung“: Phän. 451; „Gemeinschaft... zurückstossen“: Log. I. 174.

но¹ противостоят одна другой несколько не лучше, чем конкретные-эмпирические вещи. „Абстрактное“ означает всегда то же самое, что „противоположное“.² Элементы, оторванные друг от друга, взаимноабстрактные,³ относятся друг к другу негативно,⁴ исключают друг друга, стоят взаимно в отношении „идеальной“ и „безусловной“ противоположности.⁵ Несоединяемый разрыв,⁶ обнаружившийся между ними, превращает их неминуемо в непримиримые полярные крайности.⁷ Вся великая армия абстрактных понятий оказывается раздробленным, разбросанным⁸ дискретным⁹ множеством логических атомов.¹⁰ Все преимущество их перед атомами эмпирии — в их мыслительно-всеобщей форме, и только.

Естественно, что такое множество атомизированных абстракций, с мертвым содержанием и в мертвом порядке, оказывается неспособным к тому высшему спекулятивно-живому синтезу, которого искал Гегель. Формальное понятие неподходяще для спекулятивного строя отношений, который покоится, во-первых, на *содержательности*, а во-вторых, на *конкретности* своих элементов. Между тем формальная абстракция, во-первых, *бессодержательна*, во-вторых, *дискретна*. Это рассудочное понятие, *только абстрактное*, не более чем абстрактное¹¹ есть чистая¹² и *пустая*¹³ *бессодержательная* мыслимость. Заимствуя все содержание свое из материала конкретной эмпирии,¹⁴ не будучи в силах обогатить его чем-нибудь творчески, от себя, формальная абстракция и не заботится об этом, но, как обнаружилось, стремится в бездну бессодержательности,¹⁵ в ту злосчастную пустоту,¹⁶ в которой ничего уже не может быть познано,¹⁷ кроме формального¹⁸ и поверхностного.¹⁹ Рассудочное субъективное

¹ „Sprödigkeit“: Log. I. 185. ² Cp.: Diff. 193. 194. 233. 243. 289. Glaub. 19. 138. Phän. 96. 504. Log. I. 264. Log. III. 65. и др. ³ Glaub. 11. 135. ⁴ Cp.: Glaub. 123. W. Beh. 353. Log. I. 129. Recht. 352. ⁵ Diff. 255. W. Beh. 336. ⁶ Cp.: Glaub. 97. Log. I. 29—30. ⁷ „Extrem“: Cp.: Phän. 258. 446. Log. III. 120. 129. Recht. 395—396. Bha. 414. ⁸ „diffus“: Enc. III. 303. ⁹ Log. III. 282. ¹⁰ W. Beh. 334. Enc. I. 35. ¹¹ „nur“, „erst“, „bloss“, cp.: Phän. 273. 287. 481. Log. I. 47. Enc. I. 157. Enc. II. 222. Enc. III. 44. Recht. 22. 42—43. 177. ¹² „Rein“. Понимание этого термина двойится у Гегеля: иногда под „reiner Begriff“ он понимает спекулятивное понятие, напр.: Log. III. 60—61 и др.; однако нередко он именуется „чистым понятием“ порицаемую им рассудочную абстракцию; так, напр.: Phän. 257. 567. 586; а также: Glaub. 129. W. Beh. 377. Phän. 258. 480. 485. 504. 563. 579. 586. 600. Log. II. 84. Enc. I. 146 и др. ¹³ „leer“, „arm“, cp.: Glaub. 34. 68. 90. 109. 131. 135. W. Beh. 327. 377. 422. Phän. 73. 77. 98. 180. 226. 257. 273. 274. 291. 295—296. 480. 495. 577. Niet. 346. Log. I. 20. 127. 190. 270. Log. II. 64. Enc. I. 73. Enc. III. 44 (Z). 101 (Z). 114 (Z). 460 Jac. 16. Recht. 38. 39. 200. Hinr. 283. Bha. 414. ¹⁴ Cp.: Phän. 153. 423. Log. I. 86. Enc. III. 379. Recht. 414. ¹⁵ „leerer Abgrund“: Phän. 65. ¹⁶ „unseelige Leere“: Phän. 258. ¹⁷ „im Leeren wird nichts erkannt“ Phän. 111. ¹⁸ „formale Erkenntnis“, cp.: Diff. 281. Glaub. 120. W. Beh. 375. Enc. III. 294. ¹⁹ „oberflächlich“, cp.: Phän. 185. Log. III. 60—61. Enc. III. 406. 433. Recht. 401.

мышление,¹ произвольно² и насильственно³ составляя свои абстракции и взбираясь по ним все выше, становится тем хуже, чем более в них чистоты и пустоты.⁴ И, наконец, когда понятия оказываются способными к любому содержанию и безразличными ко всякому;⁵ когда не остается в сущности никакого содержания, ибо исчезает всякая различимость;⁶ когда начинает грозить полное бессмыслие⁷ и аморфность⁸ — тогда только рассудок замечает, что он был похищен своими созданиями, абстракциями, и закружен до потери сознания в их вертящемся хороводе;⁹ и может быть, слишком поздно он вспоминает, что лучше уж мечтания и грезы, чем отвлеченная пустота.¹⁰

Может ли спекулятивная философия удовлетвориться таким понятием? Примириться с тем, что величайшая и абсолютная сила мысли впадает в такое бессилие¹¹ и отдается беспредельной скуке пустого бытия?¹² Признать, что это рассудочное мышление, разлагающее и разоряющее всякий спекулятивный синтез,¹³ скованное абстрактной формой,¹⁴ беспредметно уходящее в неопределенность, есть вершина знания и орудие истины? Вся философия Гегеля есть великое творческое „нет“, сказанное им из глубины предмета в ответ на эти вопросы.

Необходимо положить предел тому развалу,¹⁵ к которому привело господство абстракции, с ее неосновательностью,¹⁶ с отсутствием у нее всякого безусловного средоточия и субстанциальной¹⁷ сущности.¹⁸ Необходимо признать, что абстрактное-формальное понятие несовершенно,¹⁹ незакончено²⁰ и неразвито,²¹ что ему недостает внутренней органической целесообразности;²² и что именно поэтому оно подлежит отвержению. Все чисто рассудочное мышление чуждо понятию,²³ не знает спекулятивной мысли,²⁴ оторвано от философской идеи,²⁵ и, вследствие этого, неразумно²⁶ и недуховно.²⁷ На этом пути истина не постигается, ибо самый основной элемент его — формальная абстракция — не истинен.²⁸ Все, чего бы ни коснулось

¹ Ср.: Log. III. 32. 323. Enc. III. 251. ² Ср.: Log. II. 31. Log. III. 302. Enc. III. 387. ³ „gewalthäftig“: Glaub. 17. ⁴ Phän. 257. ⁵ Phän. 485. 486. 486—487. Enc. III. 208. ⁶ W. Beh. 413. ⁷ Enc. I. XXX. ⁸ „gestaltlos“: Phän. 162. W. Beh. 422 ⁹ Ср.: Phän. 99. ¹⁰ Phän. 111. ¹¹ Glaub. 109. ¹² Glaub. 109. ¹³ Ср.: Recht. 38. 39. ¹⁴ „Fessel eines Abstraktums“: Recht. 19. ¹⁵ „Unwesen der Abstraktion“: Log. I. 96. ¹⁶ „grundlos“: Recht. 365. ¹⁷ „keinen Halt, keine Substanz“: Phän. 495. ¹⁸ „wesenlos“: W. Beh. 341. 342. 345. 367. 401. Phän. 291. ¹⁹ „unvollkommen“: Log. III. 40. ²⁰ „unvollendet“: Log. III. 25. ²¹ „nicht entwickelt“: Enc. I. 324. ²² Ср.: Glaub. 44. ²³ „begrifflos“: Phän. 432. Log. III. 40. 47. 60—61. 145. 145. ²⁴ „gedankenlos“: Phän. 432. ²⁵ „ideenlos“: Recht. 315. ²⁶ Ср., напр.: Recht. 263. ²⁷ „geistlos“, ср.: Phän. 21. 257. Log. I. 39. Log. III. 60—61. Jac. 14. ²⁸ Ср.: Diff. 193. Phän. 181. 290. 586. Log. I. 127. 127. 228. Log. II. 33. Log. III. 40. 268. Enc. II. 63. Enc. III. 101. Ph. G. 50. Bha. 415.

это неверное „орудие“ познания, оказывается раздробленным, деградированным, умерщвленным: разум,¹ дух,² бесконечность,³ действительность,⁴ жизнь,⁵ организм,⁶ понятие,⁷ истина,⁸ нравственность,⁹ Бог,¹⁰ — все искажается, все познается ложно, все разлагается на пустые и мертвые отвлеченности. Вот почему с абстрактным-формальным философия совсем не имеет дела,¹¹ пользуясь только его работой, подготовляющей до известной степени низменную материю чувственности.

Мало того, если подойти ко всему этому рассудочному гнезду с высшей, спекулятивной точки зрения, то нужно будет признать, что „понятия“ его не только не имеют эмпирического существования, но — что несравненно важнее — лишены и всякой метафизической реальности. Эти „банальнейшие абстракции“,¹² дереализованные противоположением,¹³ суть лишь выдуманные величины,¹⁴ стоящие под категорией возможности,¹⁵ пустые химеры,¹⁶ бледные тени,¹⁷ колдовской дым.¹⁸ Они суть ничто¹⁹ перед лицом истинной философии, и это метафизическое ничтожество²⁰ их делает их предметом уже не знания, а только мнения²¹ и суеверия.²² Абсолютная абстракция и непримиримое противоположение суть начала антиспекулятивные, противные философии и подлинной метафизической реальности, а следовательно, враждебные истине, духу и Богу: абстрактное обособление есть начало зла.²³

Поэтому приверженность к этой формальной мысли; неспособность и нежелание расстаться с ней и убедиться, что она ничему не соответствует и все искажает; величайшее упрямство рассудка,²⁴ побуждающее его настаивать на своей правоте и выдавать свое заблуждение за истину — все это заводит ищущую душу в бездну бессмыслия, философской беспомощности и метафизической лжи. Рассудочная философия есть в глазах Гегеля проявление ограниченного упорства и познавательного бессилия. Нужно, конечно, самоотверженное мужество и научное бескорыстие для того, чтобы, сросшись с известным воззрением, вработавшись в известную точку зрения, отказаться от них как от неверных; предпринять коренную ломку привычных устоев;

¹ Ср.: Enc. III. 412. Recht. 19. Bewelse. 390. ² Ср.: Phän. 418. Log. III. 61. ³ Ср., напр.: W. Beh. 359. ⁴ Enc. III. 412. ⁵ Ср., напр.: Log. III. 61. ⁶ Ср., напр.: W. Beh. 330. ⁷ Напр.: Log. III. 61. ⁸ Enc. III. 334. 354. HInr. 283. ⁹ Ср., напр.: Phän. 265, и др. ¹⁰ Напр., Log. III. 61. Bewelse. 306. ¹¹ Ср., Glaub. 131. Phän. 36. Niet. 346. Enc. I. 157. Enc. III. 464. Ср.: Bewelse. 427. ¹² „gemeinste Abstraktion“: Glaub. 131. ¹³ Ср., напр.: Glaub. 137. ¹⁴ „Gedankendinge“, ср.: W. Beh. 367. 372. 401. 404. Phän. 226. Jac. 16. ¹⁵ Log. I. 228. ¹⁶ Phän. 293—294. ¹⁷ Ср.: Jac. 16. ¹⁸ „Hexenräuche“, выражение Якоби: Jac. 16. ¹⁹ „Nichts“: Glaub. 131. 138. Phän. 65. 291. Log. I. 165. ²⁰ „Nichtigkeit“: W. Beh. 371. 377. Phän. 132. Jac. 16. ²¹ Log. III. 334. ²² Log. I. 81. ²³ Ср.: Phän. 586. Recht. 185. ²⁴ Ср.: Log. I. 192. Enc. I. 228.

обновить не только теоретические допущения и воззрения, но и основной философский уклад души. Может быть, для этого нужен особый философски-художественный дар... Но такой переход, по убеждению Гегеля, есть *sine qua non* истинного философского познания.

В чем же должно состоять это обновление и к чему поведет и приведет отказ от рассудочного мышления во имя спекулятивного?

Глава третья

О СПЕКУЛЯТИВНОМ МЫШЛЕНИИ ВООБЩЕ

(Учение о разуме)

В основании учения Гегеля о сущности спекулятивного мышления, как и в основе всей его философии, лежит подлинный душевно-духовный познавательный опыт, открывший ему то, что он по существу утверждал, и утвердивший его в верности того, что ему открылось. Повторение этого познавательного опыта является неперемнным условием для того, чтобы воистину понять имевшееся им в виду, приобщиться понимаемому не только в форме приблизительного и общего представления о чем-то неприемлемом, но и в виде непосредственного познающего общения с сущностью изучаемого, как с подлинно-даным предметом. Подобного опыта, как это должно быть уже понятно, никто никому со стороны дать не может; но объективный анализ его сущности возможен. Такому анализу сам Гегель пытался подвергнуть не только конкретное-эмпирическое и абстрактно-формальное познания, отвергнутые им, но и спекулятивное мышление в его существенных чертах. Гегель не только осуществлял, практиковал спекулятивное философствование, но делал героические усилия для того, чтобы раскрыть другим его сущность, чтобы развернуть его у всех на глазах, формулировать его основы и изъяснить его природу. Правда, несмотря на все это, остаются еще серьезные трудности, требующие для своего понимания и проверки больших напряжений в пределах личного познавательного опыта; недаром же за Гегелем утвердилась репутация одного из труднейших философских мыслителей. Однако непреодолимых трудностей здесь меньше, чем это принято думать, и существенное поддается пониманию.

Философия Гегеля, как и всякая истинная философия, не может быть понята одною мыслью; здесь требуется участие